

О ПРОБЛЕМЕ ДЕТЕРМИНИЗМА И СВОБОДЫ

Борис Ихлов

Введение

Лосский полагал, что детерминизм обедняет мир [1]. Воззрения на свободу воли варьируют от нейрофизиологического фатализма [2, 3] до либертариаризма - анархо-коммунизма, анархо-капитализма, либертарного марксизма [4] и т.д. и инкомпатибилизма [5].

С одной стороны, релятивистское отрицание детерминизма основано не непонимании, что человек не может быть свободен 1) от внешних законов природы, 2) от законов анатомии и физиологии, биохимии и биофизики организма. Не только общественное, а конкретное бытие человека как открытую обществу и природе систему, определяет его сознание.

Но, как возражал Эпикур Демокриту, уж лучше поверить в бога, чем жить в такой жесткой предопределенности.

С другой стороны, актуализация вопроса обнаруживает понимание, что конкретно-историческое освобождение личности имеет социальную природу, есть даже понимание, что источником несвободы является труд, однако что именно в труде лишает свободы, и каким способом устранить эту несвободу, остается за рамками понимания. Например, анархист Боб Блэк предлагает вообще перестать заниматься общественно полезным трудом [6].

В связи с этим возникает задача прояснить, свобода от чего является актуальной и каковы условия ее достижения.

Детерминизм Спинозы, Канта и Гегеля

Механистический взгляд на природу человека сложился еще у Локка, в системном виде – у Дидро, Гельвеция, Гольбаха. Декарт и Ламетри представляли человека как сложную машину. Декарт оставлял за человеком право иметь живую, чувствующую, непостижимую душу, Ламетри избавил от этого права, включив душу в постижимую в будущем природу.

«Возможность и случайность, - утверждает Спиноза, – лишь недостатки нашего разума. ... Если бы люди ясно познали весь порядок природы, они нашли бы всё так же необходимым, как всё то, чему учит математика» [7, с. 277, 301].

Мир Спинозы содержит бесконечное количество вещей. Чтобы всё в мире двигалось бы с абсолютной необходимостью, во Вселенной «всегда сохраняется одно и то же соотношение между движением и покоем», природа сохраняет «вечный, прочный и неизменный порядок» [7, II, с. 514, 88].

Рассмотрим одну из кантовских космологических антиномий.

Тезис: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, по которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность». Антитезис: «Нет никакой свободы, всё совершается в мире только по законам природы».

Кант выносит свободу за рамки законов природы в сверхбытие, делает ее либо частичкой индетерминированного божества, либо полагает наличие иного внеприродного. Толанд, в отличие от Спинозы, делает движение атрибутом материи, но само движение остается механистически детерминированным.

Многие советские философы не выходили за рамки антитезиса Канта, В. Келле, М. Ковальзон, Д. Гущин и др. [8, стр. 66-67].

Кант разрешает свою антиномию в регулятивное применение разума. Можно бояться огня, но можно готовить на огне еду. Фактически – разрешение в гегелевскую осознанную необходимость.

В гегелевском подходе случайность в своем развитии развертывается как закономерность, закономерность - проявляется случайно, случайность – внешняя сторона процесса. Если расширить процесс до всей Вселенной, случайность отсутствует.

Но случайность есть необходимая сторона закономерности, принадлежащая сущности, что показывает стохастика, а в микромире – просто сущность, что показывает квантовая механика. Случайность заложена не только в ограничении рассмотрения системы, она свойство самой субстанции.

Детерминизм в теологии

Различные религии, начиная от древнегреческой (мойры, Тюхе), древнеримской (Фортуна), древнеегипетской мифологии (Термутис) и учения о карме и дао, придерживались той концепции, что судьбы человека и мира предрешены. Хайям пишет о боге:

Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

Так понимали мир и последователи Ибн Рушда, но фатализм – в природе, поскольку человек – природен, его мышление и поступки жестко детерминированы. (Однако для алавитов или исмаилитов свобода воли – неограниченна.)

В одном из поучений раввин указывает ученикам на листок, упавший в жару с дерева и укрывший муравья от лучей солнца. Раввин утверждает, что бог заботится даже о муравье - хотя Маймонид завещал признать отсутствие божественной предопределенности.

Православный Николай Гоголь был убежден, что его судьба – в руках господ, потому отказывался лечиться: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, – буду жив...» Правда, Карташев пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма» [9, с. 289].

В воззрениях Аквинского царствует фатализм: не только человек, но все вещи движутся по воле высшего существа.

Для Лютера механистический детерминизм – абсолютен, свобода воли – вымысел.

Клайв Стейз Льюис [10] определяет Чарльза Диккенса как творца того, чего нет в природе, его персонажи – только в голове творца. Связь персонажей Диккенса с обществом для Льюиса отсутствует. Связь, логику, упорядоченность между человеческими чувствами, между явлениями природы Льюис возлагает на бога [10, стр. 155].

Льюис усматривает в «диалектическом» механицизме слабость позиции материалистов. Необходимости *изменчивого*, но полностью подчиненного законам природы мира Льюис противопоставляет свободу выбора, даже независимо от воли бога. Однако такая свобода фиктивна. Мышление не строит альтернативных, конкурирующих планов. Выбор между двумя рабовладельцами не есть свобода. Идеологема не избавляет от механицизма, поскольку не устраняет тезис обусловленности выбора законами природы.

Гете и Маркс

Кант, как и Спиноза, как и деисты, обосновывал природный фатализм. Благодаря Галилею, Гуку, Ньютону, Лапласу, Гюйгенсу, Лейбницу и многим другим гениям картезианство, механицизм распространились на физику, химию, биологию, общество, *на индивидуальность*.

Гёте в противовес «математическому» типу познания провозглашает познание интуитивное. Однако Гёте был таким же механицистом, что и Кант: «Природа! Мы окружены и охвачены ею и не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть. ... Ее законам повинуются даже тогда, когда противятся им; даже и тогда действуют с ней согласно, когда хотят действовать против нее...» [11, стр. 5]

Марксизм против грубого объективизма, жесткого характера законов социальной формы движения. Однако свобода воли лишь постулируется.

Социальная форма

Бернштейн, Ленин в «Что делать?», обществоведы сталинской школы, Б. Поршнев в «Социальной психологии» вернулись к механицизму Спинозы, они представили рабочий класс как косную, инертную материю, нуждающуюся в пастыре, привносящему в нее политическое сознание. Как сформулировал Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс», управлять могут не все, а лишь особая каста людей, «слышащих подземный гул истории», пассионарии, «тимогические» люди.

Человек сопротивляется этому механицизму – во всем мире растет абсентеизм, не как анархическое отсутствие гражданственности, но как естественное желание познавать мир, отличаться от животного, мыслить и действовать самостоятельно.

Гегель игнорирует историческую практику, к которой обращается исторический материализм. «Поскольку Маркс, - пишет Хайдеггер, - ... проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории. ... ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают того измерения, внутри которого впервые оказывается возможным продуктивный диалог с марксизмом» [12, стр. 204].

Однако например, Ильенков, понимая закон и детерминизм фаталистически (как и Лабриола, Плеханов, Д. Лукач, Сталин или Троцкий), в «несущественных» отклонениях, в их конкретике не увидел всеобщего содержания.

Экзистенциализм лишь декларирует свободу, отделяет ее и от деятельности, от общественной практики, и от физико-химико-био-социальной необходимости.

Очевидна разница между законами социальной формы движения материи и естественно-научными законами. В «механике» общества участвуют такие параметры, как, например, стоимость. Но стоимость,

подчеркивает Маркс, не является имманентным свойством товара, содержится только в головах людей. Соответственно все общественные законы, отмечает Энгельс, реализуются только через людей, через их волю.

Тем не менее, Маркс, Энгельс, как Гегель и Кант, в своей оценке закономерности в истории, несмотря на диалектический метод, всё же исходили из картезианской, ньютоновской картины мира, поскольку иной не было. И только в 1986 г. Д. Лайтхилл, позднее президент Международного союза чистой и прикладной математики, извинился от имени своих коллег за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным... что этот детерминизм является ошибочной позицией» [13].

Квантовая механика, синергетика, стохастика, теория особенностей, теория катастроф, идеи Пригожина обязывают сделать шаг вперед от прежнего понимания детерминизма в истории. Необходимо идеологию новейших открытий естественных наук сделать достоянием истории, от Шпенглера и Броделя до Маркса и Тойнби и математических методов в истории, кластерного подхода и т.д. Тезис сформулирован в [14], до того, как это сделал Валлерстайн.

Уже статистическая физика устанавливает закономерность случайности. Случайность выступает как внутреннее свойство материи, которое в неразвитом виде обуславливает свободу. Но, поскольку случайность закономерна, она исключает свободу. Т.е. ни квантовая механика, ни стохастика не избавляют от механицизма.

С другой стороны, «невещные» законы общественной динамики указывают на ограниченность естественно-научных закономерностей. Вариативность этих законов качественно выше, чем в квантовой механике или стохастике.

Действие закона спроса-предложения, как отмечал Рикардо, ограничивается монополиями. Монополия (как в СССР) ограничивает игру закона стоимости. Ограничение налагает и институт пожизненного найма – в Японии, до 1991 года. Активность профсоюзов, подчеркивает в 1-м томе «Капитала» Маркс, видоизменяет закон стоимости.

Но марксово указание на связь общественного бытия и общественного сознания возвращает к кантовской регулятивности, воля субъекта, индивидуальное «я» исчезают в общественном.

Гоббс писал, что «выбор» человека – лишь случайное сочетание неких не зависящих от человека чувствований. Вслед за Гоббсом Маркс констатирует в тезисах о Фейербахе: личность – это совокупность общественных отношений.

Шеллинг, конструируя бога из категорий бытия, сущности и существования, определял сущность бога как тождество с бытием, способность содержать в себе основу, а существование бога - в различности с основой (см. [15, стр. 114]). Нетрудно видеть: Маркс в определении Шеллинга вместо бога поставил человека, вместо абстрактного бытия - общественное.

Различение в общественном бытии класса-в-себе и класс-для-себя, казалось бы, приводит в своем развитии к «уничтожению рабочего класса» и синтезу – «человеческому обществу». Но.

«Материал труда» (Энгельс) - не только «все сущее», но сам человек, создаваемый в процессе распределения. Этот процесс формирует в нем небологическую потребность в труде (удовлетворение биологических потребностей - условие), если труд творческий, и потребность избежать доминирования абстрактного в труде (Маркс), если труд обезличивающий. Освобождение труда (и личности) в 1917 году натолкнулось на то, что абстрактное содержание труда (тяжесть, монотонность, однообразие, Маркс) восстанавливает прежний его характер – наемный. Что и было легализовано в 1991 году.

В разделении труда по его содержанию и состоит противоречие, движущей силой выступает потребность в уходе от трудового обезличивания и потребность в творческом, которую ограничивают существующие общественные отношения. Обе эти потребности ныне не проявлены на уровне всеобщего.

Очевидно, что определения Гоббса-Шеллинга-Маркса одновременно суть определения социальной формы движения материи. Для отдельного человека, напротив, определение должно быть перевернуто: не две или поли- сущности, а сторона сущности - в *различности* с деятельностью, с общественными отношениями, а существование - в тождестве с общественным бытием.

Всего лишь сторона - потому что феномен уникальности человека по-прежнему не раскрыт. Дело не только в том, что творчество человека в рамках доминирующего идеализма онтологически понимается как проявление сверхъестественного. В таком случае жизнь существует вечно, именно она, как высшая форма, в духе Августина определяет время (дленье, по Бергсону), а отношение «субъект – объект» понимается финалистски. Раскрытие уникальности через «осознание себя» не объясняет различение именно человеческой уникальности.

В этом ошибка представителей Франкфуртской школы, которые с целью освобождения личности отвергают культуру цивилизации, то есть, игнорируют тот факт, что сознание возникает в обществе, как

новое системное качество. Свобода может быть реализована лишь на базе мировой культуры, которая включает в себя культуру производства. Вода, подчеркивает Фейербах, ограничивает рыбу, но она же дает ей возможность плавать.

Невозможность раскрытия феномена уникальности, феномена «я», связана хотя бы с отсутствием феноменологического материала в биологии, где до сих пор не осмыслено отличие живой материи от неживой, не сделан *предыдущий* шаг.

Ясно лишь, что уникальность «я», которое может влиять на общественные законы, но не в силах изменить законы своей основы - существенна и не может быть понята в пределах современного детерминизма социального, биохимического или физического.

Если личность есть совокупность общественных отношений, то общество, чье сознание предопределено его бытием, обречено следовать своим неизменным законам. Человек выступает как абстрактная точка пересечения общественных линий, сочетание «конкретная совокупность» не различает человека с общественными отношениями.

Источником социальной предопределенности выступает доминирующе абстрактное содержание в труде, которое ограничивает и труд конкретный.

Свобода воли, как и само мышление, есть наличие нового системного качества, ограниченная низшими формами движения. При этом и сопротивление законам природы будет генерироваться теми же законами природы. Человек не может менять законы Вселенной.

Однако именно в этом пункте обнаруживается феномен, который полностью противоречит такому подчинению: химия принципиально не редуцируется к физике, не охватывается квантовой механикой, как полагал Б. Кедров, биология не сводится к химии и физике, общественная динамика – к естественным наукам. Тело человека – открытая система, но и с учетом открытости мышление не выводится из физико-химических и физиологических процессов.

Заключение

1. Мышление отображает внешний мир, его логику. Поэтому мир познаваем. Мышление идеально, потому противоположно бытию. В то же время мышление не тождественно (грубо говоря, не изоморфно) бытию в отображении. Ландау и Пайерлс доказали теоретически, что двумерные кристаллы не могут существовать, потому что неустойчивы. Однако затем экспериментаторы создали графен.

Ребенок видит мир перевернутым, человеческий глаз вначале отображает квадрат как треугольник, трапецию, прямоугольник, приближая форму к квадрату. Соответствие мышления бытию устанавливает общественная практика.

В то же время в любом процессе абстрагирования возникает новое содержание, которое включает нечто, не принадлежащее внешней закономерной реальности. Однако нужно сделать шаг от релятивизма, от старого понимания проблемы, указав, что примеры не тождественности – закономерны. Следовательно, не тождественность мышления бытию тоже имеет общий характер.

Мышление обнаруживает то, что еще не реализовано в развитии материи, что субъект отображать не может, скрытое в потенции. Разумеется, на основе предыдущего тождества бытию. «Это поставяющее раскрытие всего может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечен в извлечение природных энергий. Если человек вовлечен в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек - еще первоначальнее, чем природа - к существующему-в-наличии?» - задает вопрос Хайдеггер [16, с. 228].

Но субъективная реальность развивается в определенной мере самостоятельно. Следовательно, свобода воли *может* реализовываться в мышлении. Хотя история последних десятилетий показывает, что не реализуется. Реализуется отличная от марксовой формула: общественное бытие определяет индивидуальное сознание, о чем свидетельствует обильное отражение в интернете мифологии СМИ.

2. Хотя Маркс указывал на необходимость преодоления противоречия между умственным и физическим трудом как преодоление старого общественного разделения труда. Дробящее общество на классы, Энгельс, Ленин ошибочно полагали, что пролетариат, взяв власть, перестает быть пролетариатом. Маркс ошибочно полагал, что труд становится абстрактным только в сфере обмена, поэтому нужно отменить деньги и рынок. Эти ошибки Ленин исправил, вернув ТДО и введя НЭП

Разумеется, в развитых странах автоматика, телемеханика, компьютерные сети, роботизация снижают удельный вес живой силы на единицу производимой продукции, но сохраняют армии кнопочных рабочих с однообразным трудом, не говоря уже о доминировании грубого ручного труда в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Для того, чтобы в процессе труда доминировало конкретное содержание, необходимо, чтобы развитие производства востребовало на уровне особенного рабочего с высшим образованием. Что не может быть рекомендацией, ибо: хотя задачей философов настоящего является не объяснение, а изменение мира (Маркс), их роль сводится к облегчению родовых

мук общества (Маркс), рожать за общество философы, несмотря на все их видимые усилия, программы, идеи, механизмы осуществления программ, слоганы и т.п. - не в состоянии. История, напротив, опережает теоретические построения: в конце 60-х в США молодежное движение было усилено мощными забастовками против конвейерной обезлички, рабочие не желали, чтобы труд делал из человека обезьяну. После чего были введены неконвейерные системы (в Японии – канбан) с большей творческой составляющей и, соответственно – вот здесь рекомендация - с большей производительностью труда.

Литература

1. Лосский Н. О. (1991). О. Свобода воли. В кн. Избранное. М.: Правда. С. 484-597.
2. John-Dylan Haynes. Decoding and predicting intentions // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2011. V. 1224. P. 9—21.
3. Харрис С. (2015). Свобода воли, которой не существует. М., Альпина Паблишер. 112 с.
4. *Scrapanti E.* (2007). *Libertarian communism: Marx Engels and the Political Economy of Freedom*, Palgrave Macmillan, London.
5. O'Connor T. (2006) «Free Will». *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edward N. Zalta (ed.)
6. Блэк Б. (2004). Анархизм и другие препятствия для анархии. М.: Гилея, 224 с.
7. Спиноза Б. (1957). Метафизические мысли. Соч. в 2 т. Т. I. М.: Госполитиздат. 632 с.
8. Момджян К. Х. (1986). Категории исторического материализма: системность, развитие. М.: МГУ. 288 с.
9. Карташев А. (1994). Вселенские соборы». М.: Республика. 541 с.
10. Льюис К. С. (2000). Чудо. М.: Фонд им. А. Меня, изд. «Библия для всех». Соч. Т.7. 448 с.
11. *Goethe I.* (1982) *Naturwissenschaftliche Schriften: Mit Einleitungen und Erläuterungen im Text/Hrsg. von Rudolf Steiner.* // Dornach. V. 2.
12. Хайдеггер М. (1993). Письмо о гуманизме. В кн. «Время и бытие». М.: Республика. 448 с.
13. *Lighthill J.* (1986). *Proceedings of the Royal Society.* // A 407. London, Royal Society. P. 35—50.
14. Ихлов Б. Л. Что такое история? С точки зрения физика. // КЛИО. 1998. №1(4). С. 16-24.
15. Резвых П. В. Бытие, сущность и существование в поздней онтологии Г. В. Й. Шеллинга. // Вопросы философии. 1996. №2. С. 110-123.
16. Хайдеггер М. (1993). Вопрос о технике. В кн. «Время и бытие». М.: Республика. 448 с.